

УДК 81
ББК: 81.2Рос

В.П. Гредель

МНОГОСТУПЕНЧАТОСТЬ ЖАНРОВОЙ СТРУКТУРЫ РОМАНА Е. ЗАМЯТИНА «МЫ»

Роман Е. Замятина «Мы» трактуется как своеобразный художественный сплав собственно автора и вымышленного соавтора Д-503. Для первого «Мы» – космос, для второго «мы» – нумера Единого Государства. Роман «Мы» представляет собой синтез жанровых образований, которые можно обозначить как композиционно-смысловые ступени романа: со стороны писателя – роман-антиутопия и классическая трагедия; со стороны повествователя Д-503 – концепт, дневник и драма.

Ключевые слова: *Е. Замятин, жанр, «МЫ», модус, концепт, эпитафия, «мудрейшая из линий».*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-179-187

Гредель Вероника Павловна – аспирант кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
Тел.: (981) 757-95-63
E-mail: nikas16@yandex.ru

© Гредель В.П., 2018.

Роман Е. Замятина «Мы» представляет собой синтез различных жанровых¹ форм. Приведем слова самого Е. Замятина: «В точной науке – анализ все больше сменяется синтезом, задачи микроскопические – задачами Демокрита и Канта, задачами пространства, времени, вселенной. И явно эти новые маяки стоят перед новой литературой: *от быта – к бытию, от физики – к философии, от анализа – к синтезу*». И далее «сама жизнь – сегодня перестала быть плоско-реальной: она проектируется не на прежние неподвижные, но на динамические координаты Эйнштейна, революции. В этой новой проекции – сдвинутыми, фантастическими, незнакомо-знакомыми являются самые привычные формулы и вещи. Отсюда – так логична в сегодняшней литературе тяга именно к фантастическому сюжету или к сплаву реальности и фантастики. <...> Если искать какого-нибудь слова для определения той точки, в которой движется сейчас литература, я выбрал бы слово *синтетизм*: синтетического характера формальные эксперименты, синтетический образ в символике, синтезированный быт, синтез фантастики и быта, опыт художественно-философского синтеза» [Замятин, 1923]. И так, **синтез**: динамизм, фантастичность, символизм. Эти составляющие соприкасаются с проблемой «образ автора» (В.В. Виноградов). В статье «В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы» Е.В. Падучева предпочла виноградовскому термину «образ автора» термин «повествователь»: «автор, который обнаруживает себя в тек-

сте, может быть своего рода маской реального автора» [Падучева, 1995, с. 39 – 40]. В наше время под влиянием Е.В. Падучевой утвердился термин «повествователь» – представитель автора в рамках данного текста в том образе, который конкретный автор пожелал ему придать [Падучева, 1995, с. 40]. Отсюда в определенной мере вытекало и положение о многозначности романа как такового. Тем не менее эта идея нуждается в корректировке. Речь, на наш взгляд, должна идти не столько о многозначности, сколько о жанровой **многоступенчатости** романа. Здесь уместно назвать имя М.М. Бахтина который определяя суть жанра современного ему романа, писал: «не просто жанр среди жанров. Это единственный **становящийся жанр среди давно готовых и частично уже мертвых жанров**. Это единственный жанр, рожденный и вскормленный новой эпохой мировой истории» [Бахтин, 1975, с. 448]. По мнению М.М. Бахтина, другие большие жанры полученные, так сказать, по наследству в готовом виде, только приспособляются к новым условиям существования (одни лучше, другие хуже) [Там же]. В.М. Алпатов, говоря о проблеме речевых жанров М.М. Бахтина, справедливо назвал ее «пионерской концепцией, в ряде положений опередившей свое время» [Алпатов, 2002, с. 101].

Проблема же ментально-коммуникативной связи автор-повествователь органично входит в концепт «модуса текста». Эксплицитное предложение, по словам Шарля Балли, состоит из двух частей, где первая – диктум – означает процесс, образующий представление, а вторая – модус, являющийся «главной частью предложения», без которой вообще предложение может не состояться, поскольку именно модус есть «коррелятивная операция, производимая мыслящим субъектом», «душа предложения» [Балли, 1955, с. 44]. Модус состоит из модального глагола и модального субъекта, дополняя диктум [Балли, 1955, с. 44].

В самом деле, реальный автор Е. Замятин – известный в России и за ее пределами писатель – предстает в **двух** ипостасях: с одной стороны, как создатель идеи **космического**² концепта «Мы»³, с другой – как пользователь слова «мы» в качестве создающего конспект Д-503, «поэмы» во славу Единого Государства с Благодетелем во главе. «Мы» писателя Е. Замятина – жители Вселенной, космоса, «мы» повествователя Д-503 – нумера. Эта двуликость и создает не просто многозначность романа, а его многоступенчатость, где каждая ступень задается некоторым модусом автора Е. Замятина и / или повествователя Д-503. И вот Строитель космического корабля «Интеграл» Д-503 поставил перед собой цель написать о своей невиданной среде – величии Единого Государства. Первоначальное стремление повествователя создать произведение литературы, восхваляющее и превозносящее жизнь Единого Государства, Благодетеля и нумеров становится причиной подобия произведения с похвальным словом или панегириком, разбавляемое поначалу размышлениями и замечаниями персонажа. Требование, что усвоил повествователь, звучит следующим образом: *«Всякий, кто чувствует себя в силах, обязан составлять трактаты, поэмы, манифесты, оды или*

иные сочинения о красоте и величии Единого Государства». Не все, однако у Д-503 получилось по замыслу, так как, по его же оценке, возникает «какой-то **фантастический авантюрный роман**».

Первой ступенью выступает **антиутопия** Е. Замятина и **утопия** Д-503. Е.И. Замятина, как мыслителя и писателя, волновали общие тенденции (существующие и возможные) в общественно-политическом и научно-техническом, наряду с великими техническими открытиями, не без беспокоящего технократизма, развитии человеческого общества: несвобода, тоталитаризм, утрата духовности, насилие над личностью, полное бесправие, жестокость. Ощущая в себе способности предвидения, а если перейти на высокий стиль – силы пророка, долженствующего «бить в набат», Замятин создал роман-предупреждение, антиутопию – «Мы», связанную с созданием своеобразной картины мира – так называемого Единого Государства с Благодетелем во главе. Современники же Е. Замятина ощутили (некоторые не вдруг) похожесть этой картины на картину окружающей их действительности. Одним из способов подобного ощущения современников явилось описание конкретностей режима нумеров: «...в одну и ту же, назначенную Скрижалью, секунду, **мы** подносим ложки ко рту и в одну и ту же секунду выходим на прогулку и идем в аудиториум, в зал Тэйлоровских эжзерсисов, отходим ко сну...»; «...была изобретена **наша** теперешняя, нефтяная пища. Правда, выжило только 0,2 населения земного шара. <...> И зато эти ноль целых и две десятых вкусили блаженство в чертогах Единого Государства». Если оценивать это изображение с точки зрения замятинского современника, нельзя не увидеть здесь гротеска, но Д-503 всем этим восхищен, даже гибелью 99,8% при переходе на нефтяную пищу. Этот выбранный Замятиным парадокс гротеск – «похвальное слово» и создает восприятие изображенного в качестве сатиры.

Второй ступенью, выдвинутой в романе, является у Е. Замятина **классическая трагедия**, пришедшая из античности, наделенная **катарсисом**, очищающим среду, у Д-503 – **драма**. Предостережение Е. Замятина по энергетической силе не уступает античным образцам. Драма же Д-503 отражает его жалкое сценически демонстрируемое переживание рождения и смерти неслучившейся души. О сценическом изображении Замятин писал: «Творчество, воплощение, восприятие – три момента. Все три в театре разделены. В художественном слове – соединены: автор он же актер, зритель – наполовину автор» [Замятин, 1920].

Третьей ступенью жанра романа «Мы» становится особый жанр – **конспект**. Даже в этом, казалось бы, не эмоциональном изображении присутствует модус превознесения Единого Государства Строителем «Интеграла», математика по профессии: «Хотел зачеркнуть все это – потому что это выходит из пределов **конспекта**. Но потом решил: не зачеркну. Пусть мои **записи**, как тончайший сейсмограф, дадут кривую даже самых незначительных мозговых колебаний: ведь иногда именно такие колебания служат предвестником – –». Что же касается вторичных (сложных)⁴ риторических диалогических речевых жанров: 1) завуали-

зорованный характер обращения к адресату, 2) демонстративная сжатость фрагментов бытийного характера, 3) подчеркнутость черт научного и учебного описания жизни Единого Государства 4) безразличие к истории; но они оказались в данном случае за пределами дискурса [Бахтин, [http](#)]. Так, например, Д-503 не приводит сколько-нибудь подробной истории Единого Государства, а останавливается только на выборочных фактах, таких как Двухсотлетняя Война или введение «розовых» талонов.

Конспекты состоят из 40 частей (названных записями). Каждая запись имеет подзаголовок «конспект», а также название, которое, по сути, является кратким содержанием или конспектом этой записи. Например, «*Запись 33-я. Конспект: (ЭТО БЕЗ КОНСПЕКТА, НАСПЕХ, ПОСЛЕДНЕЕ.)*», «*Запись 3-я. Конспект: ПИДЖАК. СТЕНА. СКРИЖАЛЬ*». Уместно вспомнить высказывание Л.В. Поляковой: «Ориентированный не только на «планетного» читателя, но и на новую советскую жизненную реальность, на нового читателя, роман получился фантастическим, с элементами детектива, занимательности» [Полякова, 2014]. Как пишет Л.В. Полякова, «отвергая теории производственно-технического бытия, Замятин написал свой антиромантический литературно-художественный конспект, в котором с точностью им самим созданной Скрижали распределил роли, персонажей, главы записей» [Полякова, 2014].

Говоря о жанровых особенностях романа «Мы», нельзя пройти мимо конспектов Д-503, которые включают в себя **дневниковое** начало⁵. Как пишет Райнер Гольдт, «заслуга Замятина в том, что, используя прием вымышленного дневника, он впервые (насколько мне известно) в мировой литературе XX века показал методы живосечения человеческого сознания, скованного небывалым и ранее 1919 г. непредставимых масштабов тоталитаризма. Нарисован общественный строй, проникающий в самые интимные обстоятельства индивидуального бытия, вплоть до сновидений (Олеша) или до подсознательного употребления идеологизированной лексики для описания собственного психического состояния» [Гольдт, 2002, с. 58]. Примечательно, что именно жанр дневника более других жанров призван показать особенности человеческого сознания [Богданова, 2008, с. 29]. Так в своем дневнике повествователь не только описывает Единое Государство, но он, дневник, представляет собой воспоминания о жизни Д-503, чувства, переживания и размышления главного персонажа. Дневник дает краткие выборочные воспоминания повествователя о своем пути становления: школьные будни, выбор «талонного» номера и профессиональной деятельности. Отсюда наличие таких средств выражения, как авторская пунктуация, неполные и эллиптические предложения, сокращения, риторические вопросы и восклицания, повторы, парцелляция: Эти особенности языка наглядно отражают порывы «человечности» в номере Д-503: *«Да: проинтегрировать грандиозное вселенское уравнение. Да: разогнуть дикую кривую, выпрямить ее по касательной – асимптоте – по прямой. Потому что линия Единого Государства – это прямая. Великая, божественная, точная,*

мудрая прямая – мудрейшая из линий...» Однако среди таких записей обнаруживаем и те, что не могли принадлежать номеру без души. Казалось бы неубедительно выглядит следующее: «Я пишу это и чувствую: у меня горят щеки. Вероятно, это похоже на то, что испытывает женщина, когда впервые услышит в себе пульс нового, еще крошечного, слепого человечка. Это я и одновременно не я. И долгие месяцы надо будет питать его своим соком, своей кровью, а потом – с болью оторвать его от себя и положить к ногам Единого Государства». И тем не менее можно предположить в этих неоправданных для Д-503 словах наличие некоего сдвига под влиянием О-90. По существу, можно считать, что на страницах «Мы» создается новелла, которую можно было бы назвать «рождение души Д-503». В жизнеописании Д-503 улавливаются некоторые этапы, точнее периоды, его инициализации⁶ в качестве человека с душой, а не просто номера Единого Государства. Первым периодом перерождения персонажа можно назвать состояние «временной смерти», которое испытывает Д-503 при случайном перемещении из Древнего Дома в подземные катакомбы. Разумеется, на самом деле это был обморок, однако, с точки зрения символики, смерть является необходимым атрибутом инициализации персонажа⁷. Следующим периодом становится преодоление лабиринта из коридоров и труб, после чего Д-503 выходит из темноты к свету. Не обошлось в этом периоде и без волшебного помощника – помощником выступила I-330, которая и вывела персонажа обратно к Древнему Дому. Следующим периодом инициализации можно назвать «разряд», который испытывает персонаж: **«Разряд – самое подходящее определение. Теперь я вижу, что это было именно как электрический разряд. Пульс моих последних дней становится все суше, все чаще, все напряженней – полюсы все ближе – сухое потрескивание – еще миллиметр: взрыв, потом – тишина. <...> Быть может, этот “разряд” излечил меня, наконец, от моей мучительной “души” – и я снова стал, как все мы»**. Характерно, что ритуальное одобрение, а также совместная трапеза как последующие периоды инициации персонаж проходит за Зеленой Стеной при обсуждении планов по похищению «Интеграла» во время его испытаний. Именно в результате инициализации Д-503 **становится почти человеком**, а не просто номером без души⁸, который не может любить. Однако после удаления фантазии персонаж теряет и душу, превращаясь окончательно в человекоподобную машину. Так реальный автор создает эпитафию души Д-503, заканчивая образ главного персонажа. Эта эпитафия – своеобразная эвиденциальность, направленная на следующие поколения, потомков. И если «мудрейшая из линий», которой руководствовался «соавтор» Замятина, Строитель «Интеграла», имела строго очерченное, единственно правильное, «прямое» будущее со знаком точки на конце, Замятин оставляет финал открытым, может быть, с многоточием.

Завершая, заметим, Е. Замятин создал роман «Мы», представляющий собой синтез жанровых образований, которые можно обозначить как композиционно-смысловые ступени романа: со стороны писателя –

роман-антиутопия и классическая трагедия; со стороны повествователя Д-503 – конспект, дневник и драма. В этом уникальность романа «Мы», следствием чего является его загадочность, исследовательская трудность при анализе произведения. Специфика жанра романа позволила Е. Замятину создать особые образы персонажей, среди которых удачно сотворенный образ иницируемого наблюдателя Д-503.

Примечания

¹ Наиболее распространенным является определение жанра в формулировке В.Е. Гольдина и О.Н. Дубровской: «жанр – это тип, форма, коммуникативная организация речевого действия и соответствующего речевого произведения либо представление, знание о типах, формах, коммуникативной организации речевых действий и соответствующих речевых произведений, но не сами эти действия и произведения» [Гольдин, Дубровская, 2002, с. 6].

² В данном контексте рассматривается космос как «философская категория, фиксирующая представления о мире как об упорядоченной и структурно организованной целостности, подчиненной в своей динамике имманентной закономерности», «антиномичен Хаосу как бесформенной неупорядоченности» [История философии..., 2002].

³ Как пишет В.В. Степанова, именно название является «символическим словесным выражением концепта, получающего свое воплощение в тексте» [Степанова, 2013, с. 67]. В данном случае концепт «мы» – это, в первую очередь, «коммуникативный ориентир для читателя – коллективного участника литературной коммуникации» [Степанова, 2013, с. 67].

⁴ Под вторичными (сложными) речевыми жанрами М.М. Бахтин подразумевал «романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п.», которые «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [Бахтин «Проблема речевых жанров»].

⁵ Как известно, у Л.Н. Толстого было особое отношение к дневникам в диапазоне «для потомков» – «для самых близких» – «для одного себя». После смерти Льва Николаевича супруга Софья Андреевна выступила против публикации дневников, потребовав вернуть их семье. «Его дневники, – писала она Черткову 18 сентября 1910 года, – это святая святых его жизни, следовательно, и моей с ним, это отражение его души, которую я привыкла чувствовать и любить, и они не должны быть в руках постороннего человека» [Цит. по Шифман, 2010].

⁶ Как правило, под инициацией понимается «совокупность обрядов и устных наставлений, цель которых – радикальное изменение религиозного и социального статуса посвящаемого» [Элиаде, 1999, с. 12]. Как пишет А.М. Прилуцкий, «обряды инициации, в большинстве случаев представляющие собой сложные ритуальные комплексы, образованные взаимодействием различных ритуалогем, хорошо изучены этнографами и религиоведами. Совершаются эти обряды для мистико-ритуальной и сакрально-символической сигнализации перехода индивидуума на качественно новую ступень в соответствующей социальной иерархии отношений» [Прилуцкий, 2011, с. 24].

⁷ Как пишет М. Элиаде, «большинство испытаний, входящих в обряд посвящения, предполагает, с большей или меньшей очевидностью, ритуальную смерть с последующим воскрешением или новым рождением. Центральный момент посвящения представлен обрядом, символизирующим смерть неопита и его возвращение к живым. Но к жизни он возвращается новым человеком, подготовленным к другому способу существования. Смерть при посвящении означает одновременно конец детства, неведения и состояния непосвященности» [Элиаде, 1999, с. 15-16].

⁸ Любопытно отметить высказывание писателя о современной советской литературе и театре на своей лекции в Праге в 1931 г.: «Как вам известно, слово «душа» в хорошем советском обществе – одно из самых неприличных, одно из самых недопустимых слов» [Цит. по: Любимова, 2011, с. 28]. Писатель видел бездуховность идеологически выверенного творчества поэтов и писателей Пролеткульта и обличал ее.

Литература

Алматов В.М. Проблема речевых жанров в работах М.М. Бахтина // *Жанры речи: сб. науч. статей.* Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 92 – 103.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с фр. Е.В. Вентцель и Т.В. Вентцель; ред., вступ. ст. и прим. Р.А. Будагова. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. [Электронный ресурс]. – URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата обращения 10.01.2018).

Богданова Е.В. Языковые особенности жанра дневника // *Филол. науки. Вопросы теории и практики.* 2008. № 1-1. С. 28 – 33.

Гольдт Р. Последнее убежище личности в подлинных дневниках межвоенного периода // *Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации.* СПб.: Изд-во РНБ, 2002. С. 37 – 63.

Гольдин В.Е., Дубровская О.Н. Жанровая организация речи в аспекте социального взаимодействия // *Жанры речи: сб. науч. статей.* Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 5 – 17.

Замятин Е.И. Лекции по технике художественной прозы. О языке. 1920. [Электронный ресурс]. – URL: <http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/public/lekcii-ro-proze/o-yazyke.htm> (дата обращения 11.12.2017).

Замятин Е.И. Мы. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/z/zamyatin_e_i/text_0050.shtml (дата обращения 15.09.2013).

Замятин Е.И. Новая русская проза. 1920. [Электронный ресурс]. 1923. URL: <http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/zamyatin-kritika/lica/novaya-russkaya-proza.htm> (дата обращения 07.01.2018).

История философии. Энциклопедия. [Электронный ресурс] / под ред. А.А. Грицанова. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. 1376 с. – (Мир энциклопедий).

Любимова М.Ю. Евгений Замятин – автор романа «Мы» // *Евгений Замятин. «Мы»: текст и материалы к творческой истории романа / сост., подгот. текста, публ., коммент. и статьи М.Ю. Любимовой и Дж. Куртис.* СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. 608 с., [20 с.] цв. ил., фронтиспис. – С. 3 – 136.

Падучева Е.В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Изв. РАН. Серия литературы и языка. Т. 54, № 3. 1995. С. 39 – 48.

Полякова Л.В. Россия движется вперёд странным, трудным путём... 130 лет со дня рождения Евгения Замятина // Литературная газета. 2014. № 6 (6449) (12.02.2014). [Электронный ресурс]. URL: <http://lgz.ru/article/-6-6449-12-02-2014/rossiya-dvizhetsya-vperedyed-strannym-trudnym-putyem-/> (дата обращения 28.02.2017).

Прилуцкий А.М. Защита диссертации vs. Обряды инициации. К вопросу о семиотике квазирелигиозных ритуалов // Религия как знаковая система: Знак. Ритуал. Коммуникация: сб. науч. статей. Вып. 1 / сост. В.Ю. Лебедев, А.М. Прилуцкий. Тверь: Изд-во ГЕРС, 2011. 154 с.

Степанова В.В. Лексическая структура текста и его заглавие // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко): Материалы Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 13-15 ноября 2013. / Отв. ред. В.Д. Черняк. СПб.: САГА, 2013. С. 67 – 73.

Шифман А. Дневники светлого гения // Светлоград. Газета мечтателей и реалистов. 2010. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.svetgrad.ru/2010/06/dnevnik.php> (дата обращения 10.01.2018).

Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / пер. с фр. Г.А. Гельфанд; науч. ред. А.Б. Никитин. М.; СПб.: «Университетская книга», 1999. 356 с.

References

Alpatov V.M. Problema rechevykh zhanrov v rabotakh M.M. Bakhtina, *Zhanry` rechi: Sbornik nauchnykh statey*. Saratov, Vyp. 3, pp. 92-103. (In Russian).

Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy` frantsuzskogo yazyka*. Per. s fr. E.V. Venttsel` i T.V. Venttsel`; red., vstup. st. i prim. R.A. Budagova, Moskow, 1955, 416 p. (In Russian).

Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i ehstetiki. Issledovaniya raznykh let*, Moskow, 1975, 504 p. (In Russian).

Baxtin M.M. *Problema rechevykh zhanrov*. Available at: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (accessed 10.01.2018). (In Russian).

Bogdanova E.V. *Yazy`kovyye osobennosti zhanra dnevnika, Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2008, no. 1-1, pp. 28-33. (In Russian).

Gol`dt R. Posledneye ubezhishche lichnosti v podlinnykh dnevnikh mezhvoyennogo perioda, *Evgeniy Zamyatin i kul`tura XX veka. Issledovaniya i publikatsii*. Sankt-Peterburg, 2002, pp. 37-63. (In Russian).

Gol`din V.E., Dubrovskaya O.N. Zhanrovaya organizatsiya rechi v aspekte sotsial`nogo vzaimodeystviya, *Zhanry` rechi: Sb. nauch. Statey*. Saratov, 2002, vyp. 3, pp. 5-17. (In Russian).

Zamyatin E.I. *Lektsii po tekhnike khudozhestvennoy prozy. O yazyke*, 1920. Available at: <http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/public/lektsii-po-proze/o-yazyke.htm> (accessed 11.12.2017). (In Russian).

Zamyatin E.I. *My*. Available at: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml (accessed 15.09.2013). (In Russian).

Zamyatin E.I. *Novaya russkaya proza*. Available at: <http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/zamyatin-kritika/lica/novaya-russkaya-proza.htm> (accessed 07.01.2018). (In Russian).

Istoriya filosofii. Ehntsiklopediya, pod red. A.A. Griczanova, Minsk, 2002, 1376 p. (In Russian).

Lyubimova M.Yu. Evgeniy Zamyatin – avtor romana «My», *Evgeniy Zamyatin. «My»: tekst i materialy k tvorcheskoy istorii romana. Sost., podgot. teksta, publ., komment. i stat'i M.Yu. Lyubimovoy i Dzh. Kurtis*. Sankt-Peterburg, 2011, 608 p., [20 p.] czv. l., frontispis, pp. 3-136. (In Russian).

Paducheva E.V. V.V. Vinogradov i nauka o yazyke khudozhestvennoy prozy, *Izv. RAN. Seriya literatury` i yazy`ka*, 1995, t. 54, no. 3, pp. 39-48. (In Russian).

Polyakova L.V. Rossiya dvizhetsya vperyod strannym, trudnym putyom... 130 let so dnya rozhdeniya Evgeniya Zamyatina, *Literaturnaya gazeta*, 2014, no. 6 (6449) (12.02.2014). Available at: <http://lgz.ru/article/-6-6449-12-02-2014/rossiya-dvizhetsya-vperyed-strannym-trudnym-putyem/> (accessed 28.02.2017). (In Russian).

Prilutskiy A.M. Zashchita dissertatsii vs. Obryady initsiatsii. K voprosu o semiotike kvazireligioznykh ritualov *Religiya kak znakovaya sistema: Znak. Ritual. Kommunikatsiya. Sbornik nauchnykh statey. Vyp. I Sost. V.Yu. Lebedev, A.M. Priluczkiy*, Tver`, 2011, 154 p., pp. 23-30. (In Russian).

Stepanova V.V. Leksicheskaya struktura teksta i yego zaglaviye, *Slovo. Slovar`. Slovesnost`: Kommunikatsiya. Tekst. Sintaksis (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya S.G. Il'enko): Materialy Vseros. nauch. konf.* Sankt-Peterburg, RGPU im. A.I. Gertsena, 13-15 noyabrya 2013. Otv. red. V.D. Chernyak, SPb., 2013, pp. 67-73. (In Russian).

Shifman A. Dnevnik svetlogo geniya, *Svetlograd. Gazeta mechtateley i realistov*, 2010, no. 6. Available at: <http://old.svetgrad.ru/2010/06/dnevnik.php> (accessed 10.01.2018). (In Russian).

Ehliade M. *Taynyye obshchestva. Obryady initsiatsii i posvyashcheniya*. Per. s fr. G.A. Gel'fand; nauch. red. A.B. Nikitin, Moskow; Sankt-Peterburg, 1999, 356 p. (In Russian).

Veronika P. Gredel (St. Petersburg, Russian Federation)
Genre Structure Multistage in E. Zamyatin's "We"

E. Zamyatin's "We" is interpreted as peculiar of author's himself and imaginary co-author's D-503. For author "We" is cosmos, for D-503 – numbers of One State. "We" represents a synthesis of genres formations, which can be identified as composition-sense steps of the novel: from author's point of view – an anti-utopia novel and a classical tragedy; from narrator's D-503 side – a synopsis, diary and drama.

Key words: *E. Zamyatin, genre, "WE", modus, concept, epitaph, "the wisest of all lines"*.

Veronika P. Gredel – post-graduate student of the Russian language dpt. Russian State Pedagogic University of A.I. Herzen, St. Petersburg, Russian Federation. Phone: (981) 757-95-63; e-mail: nikas16@yandex.ru